

つぐみ

Ц
У
Г
У
М
И

Б
А
Н
А
Н
А
Ё
С
И
М
О
Т
О

INSPIRIA
Москва

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
Е83

Banana Yoshimoto

TUGUMI

Copyright © 1989 by Banana Yoshimoto

All rights reserved

Japanese original edition published
by CHUOKORON-SHINSHA, INC., Japan

Russian translation rights arranged with Banana Yoshimoto
through ZIPANGO, S.L. and Japan UNI Agency, Inc.

Перевод с японского *Феликса Тумаховича*

В оформлении переплета использована иллюстрация
«Жестокий ангел» *Сослана Сосиева*

Ёсимото, Банана.

Е83 Цугуми / Банана Ёсимото ; [перевод
с японского Ф. Тумаховича]. — Москва :
Эксмо, 2025. — 224 с.

ISBN 978-5-04-207055-6

У японской девочки-подростка Цугуми слабое здоровье, и она знает, что скоро умрет. Имея на редкость злобный нрав, она изводит семью и друзей разрушительными выходками и жестокими шутками. Окружающие не понимают ее, но вынуждены терпеть и любить. И никто не знает, что на душе у девочки с дьявольским характером... Что же скрывается за подростковым бунтом?

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Тумахович Ф., перевод
на русский язык, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,

ISBN 978-5-04-207055-6 2025

Почтовый ящик привидения

Что верно, то верно: Цугуми была действительно неприятной молодой женщиной.

Оставив свой родной город, который мирно жил за счет рыболовства и туризма, я уехала в Токио учиться в одном из университетов. Здесь я каждый день чувствую себя счастливой.

Меня зовут Мария Сиракава. Меня так называли в честь Девы Марии.

Дело не в том, что я чем-то похожа на нее, скорее наоборот. Но почему-то все мои новые друзья, которых я приобрела после переезда в Токио, говоря обо мне, любят употреблять слова «великодушная» и «уравновешенная».

Правда заключается в том, что я обычный человек из плоти и крови, со вспыль-

чивым характером. Но и меня часто удивляет то, что люди в Токио раздражаются по любому поводу: то дождь идет, то отменили занятия, то собака помочилась. Я считаю, что чем-то все-таки отличаюсь от них, ибо когда выхожу из себя, то очень скоро чувствую, что недовольство начинает убывать, как волна, уходящая в песок... Долгое время я предполагала, что это связано с тем, что я выросла в провинции, но на днях этот противный профессор отказался принять мое эссе просто потому, что я опоздала всего на одну минуту, и когда я, дрожа от ярости, шла домой, то, глядя на багровый закат, неожиданно подумала, что причина заключается совсем в другом.

Во всем виновата Цугуми, или, скорее, это все из-за Цугуми.

Каждый, включая меня, раздражается из-за чего-нибудь хотя бы один раз в день. Но я заметила, что, когда это случается со мной, я непроизвольно начинаю монотонно произносить, как буддистскую молитву, одну фразу: «Это ничто по сравнению с Цугуми». Похоже, что за все годы, проведенные с ней, я убедилась: сколько ни сердись, это в конечном счете ничего не изменит. И поняла кое-что еще, пока смотрела

на постепенно темнеющее небо, — кое-что, от чего почувствовала, что вот-вот заплачу.

По какой-то причине я решила, что любовь никогда не должна кончаться. «Это как водопровод Японии, — подумала я. — На сколько бы вы ни оставили водопроводный кран открытым, можете быть уверены, вода будет непрерывно течь».

Это мои воспоминания о последнем посещении приморского городка, где я провела свое детство. Владельцы гостиницы «Ямамотоя», о которых пойдет речь, сейчас уже уехали из этих мест, и маловероятно, что я когда-нибудь встречу с ними. Поэтому единственное место, куда стремилось мое сердце, — это то, где я провела последние дни с Цугуми, и только оно.

С момента рождения Цугуми была чрезвычайно хилым ребенком с различными поражениями функций внутренних органов. Доктора предсказывали ей раннюю смерть, и семья была готова к худшему. Нечего говорить о том, что все вокруг баловали Цугуми, как только могли, и мать, не жалея сил, возила ее по лучшим клиникам Японии, чтобы хоть как-нибудь продлить

ей жизнь. Цугуми постепенно выросла и неожиданно превратилась в подростка с чрезвычайно агрессивным характером. Она достаточно окрепла, чтобы вести более или менее нормальную жизнь, и это только усугубило ее нрав. Она стала злобной, грубой, язвительной, эгоистичной, невероятно избалованной и, в довершение всего, потрясающе нахальной. Ехидная, самодовольная ухмылка появлялась на ее лице каждый раз, когда она отвратительным тоном говорила то, чего никто из присутствующих не хотел слышать, и ее умышленная настойчивость вызывала у всех ассоциации с дьяволом.

Мы с матерью жили во флигеле гостиницы «Ямамотоя», а Цугуми жила в главном здании гостиницы.

Мой отец находился в Токио, пытаясь получить развод с женщиной, с которой не жил уже много лет. Он и моя мать хотели пожениться официально. Поэтому ему часто приходилось ездить в Токио и обратно, хотя это было крайне утомительно. Мои родители всегда мечтали о том дне, когда мы все вместе сможем открыто жить в Токио как настоящая семья, и эта мечта, похоже, поддерживала их. Так что, хотя со

стороны все выглядело довольно сложным, я росла единственным ребенком в дружной семье, с родителями, которые сильно любили друг друга.

Младшая сестра моей матери, тетя Масако, вышла замуж за владельца гостиницы «Ямамотоя», и мама помогала ей на кухне. Семья Ямамото состояла из четырех человек: дядя Тадаси, который управлял гостиницей, тетя Масако и две ее дочери, Цугуми и старшая сестра Ёко.

Если расставить приоритеты между тремя главными жертвами возмутительно гадкого характера Цугуми, то это, несомненно, выглядело бы следующим образом: тетя Масако, Ёко и затем я. Дядя Тадаси держался в стороне от Цугуми. Тем не менее включать себя в этот список было, наверное, с моей стороны слишком самонадеянно, первые двое в процессе воспитания Цугуми проявляли столько нежности и доброты, что уже давно превратились в ангелов.

Ёко была на год старше меня, а я на год старше Цугуми. Однако я ни разу не чувствовала, что Цугуми младше. Мне казалось, что она с детства совсем не изменилась и только продолжала совершенствоваться в своей испорченности.

Каждый раз, когда состояние здоровья Цугуми ухудшалось и ей приходилось ложиться в постель, ужасный характер принимал еще более устрашающие размеры. Для того чтобы как-то способствовать выздоровлению, ей была выделена красивая комната на третьем этаже гостиницы, ранее бывшая двухместным номером. Из окна открывался лучший вид на море, которое днем ярко сверкало в лучах солнца, в дождь становилось бурным, а затем обволакивалось туманом, а ночью в темноте на нем светились огни рыбацких лодок.

Будучи здоровым человеком, я не могу себе даже представить, насколько это может быть тяжело — жить изо дня в день, зная, что скоро умрешь. Единственное, что я могу себе представить, так это то, что, если бы мне пришлось, подобно ей, столько времени лежать в постели, я бы хотела сделать этот вид на море и запах набегающих морских волн главным ощущением своей жизни. Но Цугуми определенно думала иначе. Она срывала шторы, плотно закрывала все окна, иногда переворачивала тарелки с едой, разбрасывала по всей комнате книги, стоявшие на полках, превращая комнату в сцену из кни-

ги «Экзорсист», что приводило ее добрую семью в ужас. Однажды Цугуми серьезно увлеклась колдовством и, называя их «посыльными беса», развела у себя огромное количество слизняков, лягушек и крабов (крабов было особенно много в этой местности), а затем стала потихоньку запускать их в комнаты гостей. Естественно, последовали жалобы, и в конце концов тетю Масако, Ёко и даже дядю Тадаси ее поведение довело до слез.

Но даже и в этот момент Цугуми ехидно смеялась.

— Вы все почувствуете себя еще хуже, если я сегодня ночью неожиданно умру. Поэтому прекратите плакать.

Ее усмешка, как ни странно, была похожа на улыбку бодхисатвы Майтреи.

Но что правда, то правда: Цугуми была красивой. Длинные черные волосы, прозрачная светлая кожа и большие, очень большие глаза с густыми длинными ресницами, которые отбрасывали тень каждый раз, когда она опускала свой взор. Кожа на ее длинных пальцах и точеных руках и ногах была настолько тонкой, что вены, казалось, располагались сразу под ней, ее тело было изящным и безупречным, и могло

почудиться, будто это кукла, созданная самим Богом.

Учась в средней школе, Цугуми начала флиртовать с мальчиками из своего класса и часто гуляла с ними по берегу моря. Это уже превратилось в развлечение, поскольку она постоянно меняла своих кавалеров, а в таком маленьком городке, как наш, это могло породить скверные слухи. Однако все без исключения были очарованы ее добротой и красотой, и она казалась всем совсем другим человеком, чем была на самом деле.

Вечер. Цугуми и ее поклонник идут по дамбе вдоль моря, откуда открывается прекрасный вид на темнеющие воды залива. По берегу бежит одинокая собака, а сам берег простирается далеко вперед, напоминая белую пустыню. Виднеющиеся вдали силуэты островов постепенно заволакиваются туманом, и окрашенные бледно-красным цветом облака медленно опускаются в море. На волнах ветер качает несколько лодок.

Цугуми идет медленно, очень медленно. Обеспокоенный мальчик предлагает ей руку. Опустив голову, она вкладывает в нее свою тонкую руку, затем поднимает лицо

и слегка улыбается. Ее щеки светятся в лучах заходящего солнца, и постоянно меняющийся цвет вечернего неба отражается на нежном лице. Белые зубы, тонкая шея и большие глаза, пристально смотрящие на спутника, — все это смешивается с песком, ветром и шелестом волн, и кажется, что вот-вот исчезнет. И это действительно так. Если Цугуми исчезнет, это не покажется странным.

Белая юбка Цугуми развевается на ветру.

Каждый раз, наблюдая, как она умудряется с такой легкостью трансформироваться в другого человека, мне почему-то хочется плакать. И эта сцена находит мучительный отклик в моей душе, поскольку я отлично знаю истинный характер Цугуми.

Цугуми и я стали близкими подругами в результате одного случая. Конечно, мы общались друг с другом, когда были еще детьми. Если смириться с ее злобным характером и ядовитым языком, то с Цугуми было интересно играть. В ее воображении наш маленький рыбацкий городок был миром без границ и каждая песчинка несла в себе особую тайну. Она была умной и любила учиться, так что ее оценки

в школе были достаточно высоки для человека, пропускавшего по болезни столько занятий, сколько она. Она также читала различные книги и поэтому знала довольно много. К тому же трудно придумать столько злобных выходов, не имея головы на плечах.

В младших классах начальной школы мы с Цугуми играли в игру, которую называли «Почтовый ящик привидения». Школа располагалась у подножия небольшой горы, за ней был сад, в котором стоял остов старого ящика для приборов. Мы придумали, будто этот ящик связан с потусторонним миром и в него могут приходить оттуда письма. Днем мы клали в него вырезанные из журналов страшные рассказы и картинки, а затем в середине ночи возвращались и вынимали их. Днем этот сад с ящиком не представляли собой ничего необычного, но ночью пробираться туда было довольно страшно. В течение некоторого времени мы были поглощены этой игрой, но затем пришли другие игры, и постепенно мы забыли о «Почтовом ящике привидения». Когда я перешла в среднюю школу, то поступила в баскетбольную секцию, тренировки были довольно напря-

женные, и мне стало не до Цугуми. Приходя домой, я сразу ложилась спать, а потом были еще и домашние задания, так что Цугуми превратилась просто в двоюродную сестру, которая жила по соседству. Но однажды произошел один случай. Как я помню, это было во время весенних каникул, когда я училась в восьмом классе.

В ту ночь шел небольшой дождь, и я сидела в своей комнате. В приморских городках, подобных нашему, дождь несет с собой запах моря. Звук падающих дождевых капель соответствовал моему подавленному настроению. Только что умер мой дедушка. До пяти лет я жила в его доме, поэтому мы были очень близки. И после того, как мы с матерью переехали во флигель гостиницы «Ямамотоя», и даже теперь, когда училась в школе, я продолжала часто бывать у дедушки, и мы регулярно обменивались письмами. Я не пошла на баскетбольную тренировку, но не могла заставить себя что-нибудь делать и просто сидела на полу, прислонившись к кровати. Мои глаза опухли от слез. К двери моей комнаты подошла мать и сообщила, что звонит Цугуми, но я попросила сказать ей, что меня нет дома. У меня не было настроения встречаться с ней, и мама,